

языке и как целостного сложного стилистического приема, играющего в создании семантики художественного текста важную роль представляется перспективным.

Л и т е р а т у р а :

1. Бабайцева В. В. Избранное. 1955-2005: Сб. науч. и науч.-метод. ст. / В. В. Бабайцева. – М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – С. 13–14.
2. Веселовский А. Н. Мерлин и Соломон: избранные работы / А. Н. Веселовский. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; СПб.: Terra Fantastica, 2001. – 864 с.
3. Крысин Л. П. Гипербола в русской разговорной речи / Л. П. Крысин // Проблемы структурной лингвистики / [Отв. ред. В. П. Григорьев]. – М.: Наука, 1988. – С. 95–111.
4. Лотман Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб.: “Искусство-СПб”, 2005. – 704 с.
5. Колесникова С. М. Категория градуальности в современном русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 “Русский язык” / С. М. Колесникова. – М.: МПУ, 1999. – 44 с.
6. Колесникова С. М. Парадигматический и синтагматический аспекты категории градуальности / С. М. Колесникова // Вопр. лингвистики: Межвуз. сб. науч. тр. – М.: МПУ, 2000. – С. 12–23.
7. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукаржовский. – М., 1994. – С. 163–168.
8. Сыроваткин С. Н. Явление гиперболизации в плане функциональной лингвосомиотики / С. Н. Сыроваткин // Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания. – Калинин, 1977. – С. 106–129.

Яковлева Е. В.

*Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел
Российской Федерации (Москва, Россия)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И СТРАТИФИКАЦИИ

Политическая лингвистика – новая, активно развивающаяся гуманитарная наука, которая занимается изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием [1, 3]. Связь этого направления с другими лингвистическими направлениями, такими как социолингвистика, сферой интересов которой является исследование взаимодействия языка и общества, функциональная стилистика, в числе проблем которой оказывается исследование публицистического стиля языка и речи, риторика, в центре внимания которой находятся вопросы выразительности и культуры речи, вне всякого сомнения когнитивная лингвистика, лингвистика текста и многие другие.

Сегодня мы можем говорить о том, что политическая лингвистика мультидисциплинарна, поскольку опирается на методологическую базу, разрабатываемую разными академическими направлениями исследования, антропоцентрична, так как точкой отсчета в ней является языковая личность, функциональна, в силу своей ориентированности на изучении языка как живого и динамично развивающегося явления. Более того, этому направлению свойственно стремление не довольствоваться описанием фактов, но находить им объяснение, и, наконец, эта наука постоянно расширяет сферу своих лингвистических изысканий, обнаруживая черты академического экспансионизма.

Итак, предметом исследования политической лингвистики предстает политическая коммуникация, понимаемая как речевая деятельность, направленная на

вербализацию той или иной идеологической позиции, эмоциональное воздействие на аудиторию и побуждение ее к действиям в условиях политического плюрализма мнений и в интересах принятия определенных социально-политических решений.

Основная цель политической лингвистики – исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, создающими условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности.

Таким образом становится понятным, что в центре внимания этого направления оказывается дискурсивный подход к изучению политических текстов. Иными словами, каждый конкретный текст рассматривается в контексте политической ситуации, в которой он создан, в его соотношении с другими текстами, с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными аудиториями.

Тот факт, что дискурсивные характеристики политических текстов изначально существенно отличаются от аналогичных характеристик текстов других регистров или жанров – научных, художественных, медицинских или педагогических [1, 73], определил весьма определенный и функциональный интерес к изучению семантического наполнения термина “дискурс”, что соответствовало повороту науки о языке от статического структурно-семантического подхода к динамическому коммуникативному.

Однако, содержание термина “дискурс”, несмотря на то, что он является ядром терминологической базы политической лингвистики, до настоящего времени вызывает явные разногласия исследователей вопроса. Так, как указывает П. Сериио [2, 26], во французской лингвистике термин “дискурс” может обозначать и речевую деятельность, и текст, и контекст, и высказывание в его взаимосвязях с коммуникативной ситуацией. По определению Т. ван Дейка, дискурс – это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию “коммуникативное событие” [3, 46]. А. П. Чудинов считает, что “...нет необходимости использовать термин “дискурс” для обозначения понятий, за которыми в лингвистике уже закрепились устойчивые названия. Едва ли есть смысл называть дискурсом контекст (как фрагмент текста), текст, нарратив (а также какое-либо иное объединение текстов) или речевую деятельность” [1, 40].

Изучение текста политической тематики и его элементов в дискурсе – это прежде всего исследование степени воздействия на данный текст и на его восприятие адресатом разнообразных языковых, культурологических социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов.

В семиотическое пространство политического дискурса оказываются включенными элементы вербальной и невербальной знаковой систем, используемые в политической коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний и текстов, набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа общения.

На основании сказанного выше, представляется уместным в дальнейшем изложении, вслед за Е. И. Шейгал, термины “политический дискурс” и “политическая коммуникация” использовать как синонимичные, что объяснит возможное определение языка политики как “структурированной совокупности знаков, образующих семиотическое пространство политического дискурса” [4, 22].

Принимая во внимание тот факт, что политический дискурс представляет собой сложное многомерное образование, составляющие элементы которого (речевые

жанры, речевые акты, высказывания) образуют целую сеть множественных пересечений по ряду оснований, представляется возможным предложить определять политический дискурс как совокупность прецедентных текстов, функционирующих в сфере политической деятельности, обнаруживающих жанровую разнородность и имеющих как вербальные, так и невербальные составляющие. Нам представляется целесообразным исходить из широкого понимания политического дискурса и включать в него любые речевые произведения, содержание которых относится к сфере политики.

Важным свойством коммуникации в политической сфере является множественность адресата. Политическое высказывание не обращено к единичному реципиенту, хотя языковая форма, имитирующая личностное общение, находит широкое распространение в политическом дискурсе. Обращение к массам, характерное для политического дискурса, требует максимальной стереотипизации содержания высказывания. Исследователи вопроса также обращают внимание на то, что поскольку стереотипное содержание требует стандартизированной формы, то стандартизация высказываний ведет, соответственно, к стандартизации дискурса, в который включены такие высказывания, и речевого поведения в целом. Вышеназванные особенности языка политического дискурса подчинены достижению одной из важнейших целей политической коммуникации – обеспечению соответствия содержания и формы политического дискурса уровню подготовленности максимально широкой аудитории, восприятию которой материалы этого дискурса предлагаются.

В силу прозрачности границ дискурса вообще и политического дискурса, в частности, нередко отмечается наличие характеристик различных видов дискурса в рамках одного текста. Например, интервью с политиком может обнаруживать характерные особенности текстов средств массовой информации, текстов научного и политического дискурсов.

Приведем характерный пример, цитируемый по популярному изданию “USA Today”, в котором были опубликованы ответы Барака Обамы на вопросы, заданные ему в период политических дебатов, в которых он участвовал во время своей предвыборной кампании 2007-2008 годов:

Q: Is it OK to cite religion as a reason to deny gay rights?

Obama: We've got to make sure that everybody is equal under the law. The civil unions I propose would be equivalent in terms of making sure all the rights that are conferred by the state as equal for same-sex couples (and heterosexual couples).

(Вопрос: Считаете ли вы нормальным привлекать религию в качестве причины для отрицания прав геев?)

Обама: Следует обеспечить всеобщее равенство перед законом. “Гражданские союзы”, формирование которых я предлагаю, будут равны в том смысле, что права, предоставляемые государством, будут одинаковы для однополых и гетеросексуальных пар.)[5]

Как видно из приведенного примера, один из успешных кандидатов в президенты США от Демократической партии Барак Обама (впоследствии 44-й Президент США) использовал в своих ответах выражения, которые характерны как для дискурса политики и текстов публицистического регистра, публикуемых средствами массовой информации (*equal under the law* – досл. *равны перед законом*, то есть пользуются равными правами; *the rights that are conferred by* – *права, предоставляемые...*), так и для научного дискурса (*would be equivalent in terms of* – *будут равны в терминах...или*

с точки зрения..., *heterosexual couples* – гетеросексуальные пары (терминологическое выражение, используемое со следующим наполнением: *Civil union – a legally recognized union of a same-sex couple, with rights similar to those of marriage*, то есть гражданское объединение, признанный союз граждан одного пола, в котором они обладают правами, сходными с правами граждан, находящихся в брачных отношениях) [6]. Как можно заметить, при относительно небольшом объеме высказывания, в этом речевом произведении присутствуют элементы трех типов дискурса. Тот факт, что аудитория задавала вопросы кандидатам-демократам через Интернет, а их ответы, соответственно, транслировались в режиме реального времени через видео-интернет-ресурс *YouTube*, является подтверждением успешного стилистического и, соответственно, дискурсивного решения приведенного образца речи данного политика.

Таким образом, специфической чертой политического дискурса сегодня является его опосредованность средствами массовой информации. Нельзя не признать, что СМИ являются едва ли не самыми активными участниками политической коммуникации, следовательно “...исключение материалов СМИ из анализа значительно обеднило бы и исказило картину современного политического дискурса” [4, 58].

В дискурсе масс-медиа (и в этом проявляется его имплицитная связь с политическим дискурсом) журналистам отводится роль посредников между политиками-профессионалами и массовой аудиторией, у которой способность к анализу политической ситуации и ее динамики не столь сформирована в устойчивый навык, как у профессиональных политиков.

Благодаря стремительному развитию информационных технологий, используемых каналами связи, в политической деятельности как в России, так и за рубежом, наметилась следующая тенденция: политики все реже общаются со своей аудиторией в непосредственном контакте, обращаясь к собравшимся в залах или на открытых площадках, основной объем политической коммуникации осуществляется теперь при помощи средств массовой информации. Таким образом выступление политика по радио или телевидению можно рассматривать в качестве жанра масс-медиа лишь в ограниченной степени, поскольку в таком случае СМИ выполняют функцию технического средства, обеспечивая канал связи с разнородной массовой аудиторией.

Наряду с содержанием самого текста высказывания, выбор политиком печатного, телевизионного или радио-органа для передачи политической информации может стать источником дополнительных сведений об особенностях его политической платформы. Аудитория, как правило, имеет представление о политической ориентации и предпочтениях того или иного органа массовой информации, благодаря обобщенному знанию прецедентных текстов, которые характерны или ассоциируются с данным СМИ. Такие тексты могут выступать в качестве “своеобразного свертхтекста” [4, 26], в немалой степени влияющего на восприятие адресатами информации, содержащейся в отдельных высказываниях политического деятеля.

Как следует из сказанного выше, дискурс вообще и политический дискурс особенно, с лингвистической точки зрения являются сложным и многомерным образованием. Кроме того, представляется возможным анализировать политический дискурс, основываясь на широком его понимании, и принимать во внимание единицы всех языковых уровней, имеющие не только прямое, но и косвенное отношение к

сфере политики.

Так, возможно определить некоторые аспекты стратификации политического дискурса в терминах “дискурсивных практик”, принимая во внимание определение, предлагаемое в исследовании А. Н. Баранова. Политический дискурс является совокупностью дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации. Под дискурсивной практикой, таким образом, понимаются тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определенного смысла. Эти тенденции находят отражение в частоте употребления соответствующих феноменов фонетического, морфологического, синтаксического и семантического уровня [7, 246].

Дискурсивные практики определяются устойчивыми наборами языковых средств, свойственными данному политическому субъекту – языковой личности – или рекуррентными для обсуждения данной темы. Другими словами, черты политического дискурса обусловлены, с одной стороны, тематической стратификацией, характерной для того или иного языкового сознания, становящегося предметом обсуждения, с одной стороны и языковыми средствами, релевантными для данного тематического контекста (то есть дискурсивными практиками) – с другой. Следовательно, языковой дискурс того или иного политического деятеля, чья лингвистическая личность очевидно ассоциируется с его именем, например, экс-президента США Рональда Рейгана (1911 – 2004) можно представить в виде совокупности дискурсивных практик Рейгана, проявляющихся в его политических выступлениях, интервью и так далее. Аналогичным образом, тоталитарный языковой дискурс есть совокупность дискурсивных практик, характерных для политического языка тоталитарного общества.

Нам представляется, что такие языковые средства вербализуются как в письменных текстах различных жанров (статьи, интервью, выступления на страницах прессы и в Интернете), так и в устных текстах (реплики интервью, реплики ток-шоу, реплики участников политических дебатов). Отсюда можно сделать вывод, что дискурсивные практики представляют совокупность различных текстов, которые, в свою очередь, обнаруживают тенденции предпочтения использования автором тех или иных языковых средств.

Л и т е р а т у р а :

1. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М., 2006.
2. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 2002.
3. Дейк Т. А., ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Дейк. – М., 1989.
4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М., 2004.
5. USA Today, 24. 07. 2007 – Эл. ресурс: <<http://www.usatoday.com>>
6. New Oxford American Dictionary. – 2nd Edition. – Oxford University Press, 2005.
7. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М., 2003.